

политика

Л.М.Григорьев

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИИ: ДЛЯ ЛЮДЕЙ ИЛИ ДЛЯ ЭЛИТ?

Ключевые слова: Россия, реформы, транзит, Ельцин, Медведев, Путин, политическая элита, финансовая элита, интеллигенция, трудящиеся

В истории трансформации России и перехода от советского строя, коммунистической идеологии и плановой экономики к демократии и рынку (которые сами стали новой идеологией) есть много критических вопросов, на часть которых мы попытаемся ответить. Но начнем с простой проблемы: каковы критерии успеха или же неуспеха трансформации страны за прошедшую четверть века? Каковы итоги и этапы трансформации — и какие подходы целесообразно использовать для анализа и оценки положения страны и основных групп ее населения на старте преобразований, на разных этапах их реализации и сегодня, в начале 2015 г.?

Ключевые элементы трансформации — это реформирование управления, правовой системы и, конечно, отношений собственности. Макростабилизация, которой уделяется так много внимания, — необходимое условие экономического роста и инвестиций, однако именно владельцы активов формируют правила игры в любых макроусловиях.

Но судьба трансформационных реформ — это не набор принятых законов, на которые политики могут с гордостью сослаться в мемуарах, не признание со стороны международных финансовых институтов, не благожелательность дискуссий в научных журналах и т.п. Судьба реформ такого масштаба, как переход великой державы от «социализма» к «рынку и демократии», — это судьбы людей, которые жили в то время и которые невольно стали «двигателями прогресса». Именно эти люди и их дети — высший суд истории, а не потомки и не историки. В отличие от эпохи большевиков, когда счастье обещалось «очень потом», семьи, фирмы, предприниматели, интеллектуальные элиты сегодня оценивают удачи или неудачи реформаторов сразу, *in real time*. Стабильность бюджетов, снижение инфляции, средний темп роста ВВП, налоги и законы о банкротстве — все это, бесспорно, важно, но это только инструмент. Устойчивость существования трансформируемого общества на протяжении относительно длительного периода (скажем, поколения) — вот критерий успеха, а не достижения президента или премьер-министра на временном отрезке в три-пять лет.

В конечном итоге частные реформы забываются, а остается совокупность ключевых параметров новой социально-экономической системы: характер собственности, эффективность управления, занятость

и рабочие места, работа для интеллигенции — и, соответственно, сохраненный или приобретенный уровень развития (особенно интеллектуального) страны, качество финансовой и политической элиты... При трансформации масштабные реформы должны охватывать не только правовые, политические и экономические институты, но и основные слои общества, которые должны перестраиваться (желательно без серьезных конфликтов) по ходу пореформенного развития, — а это самое сложное.

Мы полагаем совершенно необходимым учет того известного принципа, что нет объекта без наблюдателя. Оценки реформ, экономического роста, благосостояния граждан, характера и качества элит в значительной степени зависят от стартовых ожиданий, их реализации или провала, от изменения интересов и целей по мере трансформации и, наконец, от положения участников трансформационных процессов на нынешнем этапе. Успех трансформации — это создание новой системы институтов, поддержание (а лучше рост) благосостояния населения, воссоздание конкурентоспособности страны в новых условиях.

Процесс трансформации, ее этапы и положение участников в динамике во многом определяются статусом особой общественной группы — реформаторов. Обычно они выступают — в зависимости от точки зрения наблюдателя — или в роли героев, или в роли злодеев.

В переходные периоды (эпоху бурных преобразований) мы наблюдаем деятельность как бы двух государств: регулятора и реформатора. Государство первого типа доминирует в странах с устоявшимся институциональным фундаментом, где проводимые реформы являются частичными и не затрагивают основ экономики. Его основная функция — обеспечить выполнение и (при необходимости) корректировку правил.

Государство-реформатор — это особая и, по сути, временная группа высших руководителей страны, которая вырабатывает и пытается системно внедрить новые институты. Она действует через законодательные и исполнительные органы власти, но в сжатые сроки, с большим напором — и с нарушением интересов бенефициаров прежней системы институтов. Успех реформ зависит не только от рамочных условий перехода, но и от того, какой информацией эта группа располагает, какие цели ставит, какими инструментами их достижения (а также анализа текущей ситуации) владеет, и, наконец, от степени сопротивления как старых институтов, так и новых, приобретающих самостоятельную роль и препятствующих дальнейшей эволюции системы.

В идеале проведение масштабных реформ, связанных с переходом от «плана» к «рынку», требует соблюдения трех базовых принципов. Во-первых, попытка возвращения на магистраль мирового развития (с которой в начале XX в. свернула наша страна) должна осуществляться в рамках европейско-христианской традиции. Во-вторых, необходимо приложить все усилия для минимизации страданий людей в этом тяжелом (часто шоковом и кризисном) процессе. При этом чрезвычайно важно, чтобы граждане знали о таких усилиях и понимали, что не

являются объектом экспериментов. И, в-третьих, устойчивая «реформаторская» политика должна проводиться на протяжении достаточно длительного срока, что предполагает поэтапную эволюцию как реформ, так и реформаторов. Понятно, что соблюсти эти три принципа одновременно чрезвычайно сложно, однако есть и удачные примеры. На наш взгляд, некая «правильная» конфигурация цели, адекватные методы ее достижения с ограничениями по допустимым (дозволенным) средствам и инструментам (исключение контрпродуктивных шоков) плюс длительность пребывания реформаторов у власти с последовательной (но меняющейся) политикой суть те базовые критерии, по которым надлежит оценивать процесс реформирования. Расплывчатость фактически применявшихся за последние четверть века критериев успеха реформ (рост ВВП, набор законов и т.п.) зачастую делает «декларацию об успехе» чрезвычайно похожей на предвыборную пропаганду. Результаты трансформации следует соотносить с намерениями, стратегиями и обещаниями реформаторов и ожиданиями граждан реформируемых стран, а не с «индикаторами» сторонних организаций (или ищущих славы лиц).

¹ Григорьев
[Grigoriev] 2010a:
6—19.

В качестве точки отсчета преобразований мы берем 1990 г., когда была подготовлена первая программа — «500 дней», — в которой шла речь именно о трансформации, а не об улучшении социализма¹. Старт реформ в 1990 г., когда падение ВВП СССР составило «только» 2,4%, еще давал шанс уйти от коллапса экономики и развала страны. Однако реально сделанного в тот период оказалось совершенно недостаточно для предотвращения кризиса. Либерализация коммерции, открытие рынков, в целом новые законы были запущены только в тяжелейших условиях 1992 г.

Вина за затягивание старта демократических и рыночных преобразований, вне всякого сомнения, лежит на советских элитах, которые, боясь потерять свое положение в обществе, не пошли на относительно мягкие и постепенные шаги, а потом просто «все бросили». Они «проиграли страну», уступив позиции 15 новым республиканским элитам, вышедшим из контр- (или прото-) элит, которые были счастливы взять власть, но не всегда хорошо понимали социально-экономические реалии своих стран, равно как и последствия своих действий для благосостояния граждан. Несмотря на апелляцию новых элит к общественной (в новом узком смысле) пользе, ими руководил, как сейчас очевидно, в первую очередь интерес к власти. И хотя встречался и индивидуальный «альтруизм», в действиях политиков он отнюдь не доминировал. Националистические мотивы и ориентация на независимость были заметны у всех новых элит, тогда как устойчивое развитие оставалось на заднем плане.

Бесспорно, экономический кризис (-6,3% ВВП СССР в 1991 г.; -14,5% ВВП России в 1992 г.) — не лучшее время для начала столь сложной трансформации. В условиях кризиса не работают никакие тонкие инструменты, все занято выживанием — преобладают «базовые»

инстинкты. В кризисной ситуации намного выше требования и к разработке методов и инструментов, и к консолидации общественной поддержки, и — особенно — к постановке и решению стратегических целей и задач. Ответственность элит за проведение реформ системного характера огромна, и затягивание старта стало громадной угрозой для успеха.

Стартовые условия трансформации в СССР и постсоветском пространстве оказались намного хуже, чем в странах Центральной и Восточной Европы. Ситуацию усугубляло то, что это осознала лишь небольшая часть экспертов, тогда как большинство ориентировалось на опыт Польши 1988—1990 гг., воспринимая его как модельный². Ожидание резкого улучшения ситуации в экономике России в 1992 г. в результате только начинавшихся реформ было в конечном итоге контрпродуктивным с точки зрения устойчивости реформ (и правительства реформаторов).

Трансформация — это не просто замена старых формальных и неформальных институтов на новые, но многоуровневая перестройка власти и общества, включая поведение людей. Само по себе введение тех или иных формальных правил, если они не начинают определять поведение экономических агентов, семей и граждан, не может породить устойчивых изменений. Скорость преобразований задается «хромым верблюдом», то есть слабыми или неадекватными элементами в системе новых институтов, способными блокировать эволюцию. Значение имеют не установки передовых политиков или бизнесменов, а доминирование новых институтов и нового поведения на массовом уровне. Сколь бы успешным ни был «пилотный проект», он становится трансформацией лишь тогда, когда большинство общества принимает новую систему и начинает устойчиво выполнять ее правила. В принципе это означает, что без адекватной перестройки социальной системы и политических институтов (законодательной, исполнительной и судебной власти) реформа экономики не будет устойчивой и может быть повернута вспять или (что более вероятно) мутировать таким образом, что вместо возврата на магистральный путь развития будет все дальше отклоняться от него.

Переход страны (экономики, общества) из состояния «А» в состояние (условно) «Т» осуществляется в несколько этапов и предполагает качественные сдвиги — «переходы» по уровню — всех акторов, которые могут блокировать дальнейшую трансформацию. И поскольку на каждом промежуточном этапе эти акторы могут менять (и фактически меняли) свои приоритеты и поведение, при анализе трансформации нам прежде всего нужно зафиксировать эти промежуточные этапы.

При выделении этапов российской трансформации мы учитывали основные макроэкономические показатели развития страны, цены на нефть, состояние бюджета, курс рубля, средние доходы и безработицу (см. табл. 2³), а также важнейшие институциональные изменения. Не имея возможности подробно комментировать в рамках статьи всю эту информацию, мы предоставим читателю самому оценить наши за-

² См., напр. Программа [Programma] 1992.

³ Все таблицы и рисунки в статье даны в Приложении.

ключения. Отметим только, что предлагаемая периодизация во многом базируется на соображениях, высказанных нами в работе 2010 г., где мы попытались пошагово проанализировать эпоху российских реформ⁴.

⁴ См. Григорьев
[Grigoriev] 2010б.

Самый трудный вопрос: сколько акторов необходимо учитывать в такой стране, как Россия, с ее огромными региональными различиями, сверхконцентрацией производственных активов и слабым опытом самоорганизации гражданского общества? Нам уже приходилось писать о том, что при осмыслении происходящего нужно идти не от статистики, а от акторов, от динамики их интересов при резких изменениях объективного положения, от их надежд и разочарований и т.п.⁵ Но будучи связаны размерами статьи (и принимая во внимание все усложняющиеся представления о прошлом и дробление групп интересов по мере удаления от старта реформ), мы ограничимся рассмотрением минимального числа акторов, сведя их к пяти обобщенным категориям, положение, самоощущение и поведение которых важно для понимания состояния экономики и общества: политическая элита, финансовая элита, интеллигенция, новый бизнес и трудящиеся.

⁵ См. Григорьев,
Плаксин, Салихов
[Grigoriev, Plaksin,
Salikhov] 2008.

К *политической элите* мы относим круги, контролирующие исполнительные и (в большей или меньшей степени) законодательные органы власти. В ее состав мы условно (ввиду недостатка места) включаем также военную и церковную элиты, хотя и считаем их особыми элитными группами⁶. Правоохранительные органы квалифицируются нами как опора политической элиты и, соответственно, выводятся за рамки основных категорий акторов.

⁶ Подробнее
см. Григорьев
[Grigoriev] 2010в,
2011а.

Финансовая элита корреспондирует с высшим имущественным классом, собственниками ключевых приватизированных активов и главами государственных компаний, принимающими важнейшие хозяйственные решения.

Под *интеллигенцией* мы понимаем небогатые массовые слои образованных людей. Вместе с тем хотим обратить внимание на наличие верхнего слоя (столичной) интеллигенции, существенно отличающегося от основной массы и принадлежащего скорее к высшему среднему классу.

Новый бизнес — это малые, средние и частично не слишком крупные предприниматели, в том числе в новых отраслях (ИТ, реклама, консалтинг и т.п.).

Термином «*трудящиеся*» мы обозначаем представителей низшего среднего и низшего класса, составляющих сегодня порядка 70% населения страны.

На каждом конкретном этапе трансформации акторы действуют исходя из своих интересов (модифицируемых пошагово в соответствии с изменением внешних условий), которые нередко вступают в столкновение (конкуренцию) с интересами других групп (см. табл. I). С учетом важнейших макроэкономических переломов в сочетании с институциональными сдвигами можно выделить следующие этапы:

— перед стартом (1988—1991 гг.);

- время Ельцина (1992—1996—1999 гг.);
- рост на базе нефтяной ренты (2001—2008 гг.);
- замедление роста и исчерпание рентной модели (2009—2013 гг.);
- кризис 2014 г.

Перед стартом (1988—1991 гг.)

⁷ Анализ этого кризиса см., в частности, Гайдар [Gajdar] 1997, 2006.

⁸ См. Григорьев, Иванова, Корчагина [Grigoriev, Ivanova, Korchagina] 1991.

⁹ См. Grigoriev 1991.

Главное содержание периода 1988—1991 гг. — это провал старых элит в управлении страной. Они не сумели обеспечить «мягкой посадки» и трансформации экономики и общества, не только не найдя путей выхода из системного кризиса⁷, но и поставив под угрозу само существование Союза. В конце 1980-х годов катастрофическое состояние советской экономики не вызывало сомнений⁸. Сокращение возможностей центральных хозяйственных органов по перераспределению ресурсов в республики и регионы (на фоне огромного роста государственного долга), потребительский кризис, падение эффективности накопления⁹ усугубили ситуацию и привели к дезинтеграции страны.

Независимо от политической оценки «распада империи», экономические издержки этого процесса оказались колоссальными для всех республик. Государственно-территориальные изменения, через которые пришлось пройти стране, носили столь резкий и непродуманный характер, что немедленный транзитивный кризис на постсоветском пространстве был намного глубже, чем в большинстве стран «социалистического лагеря», а последствия сказываются и теперь — в форме тяжелейшего украинского кризиса.

В рассматриваемый период было заложено несколько проблем, которые отразились на последующей трансформации (а отголоски их чувствуются и по сей день). Во-первых, макроэкономический кризис (падение производства, накапливание внешних долгов, бюджетный кризис, инфляция и т.п.). Во-вторых, затягивание переговоров с республиками о новых правилах сосуществования, распространение иллюзий (в том числе и в России), что жизнь врозь есть шаг к немедленному процветанию. В-третьих, начало широкой спонтанной приватизации, в частности в форме захвата менеджерами доходов предприятий.

Для центральных элит это было время утраты прежнего статуса, для республиканских — период обретения независимости, для региональных — выигрыш почти феодальных прав. Для новых рыночных сил (будущих финансовых элит) это был период подготовки к «прыжку во власть». Для трудящихся — осознание неизбежности перемен, поскольку «хуже некуда» (что, разумеется, было ошибкой). Для демократических сил (интеллигенции, более образованных рабочих, значительной части служащих госаппарата и партии) — пора свободы слова, первых свободных выборов, растущих надежд и интереснейших, хотя и очень неопределенных по своим практическим очертаниям, дискуссий.

Судя по всему, протосредние слои советского общества (во всяком случае, в крупных городах России) рассчитывали, что они останутся жить в своей большой и уважаемой стране. Речь шла о приобретении

демократии и свободы слова без масштабного кризиса (распад страны еще не выглядел близким или неизбежным) при резком росте «справедливости» в обыденном ее понимании. В экономике вопрос ставился (например, в дискуссиях 1990 г.) просто и наивно: переход к рынку как средство преодоления системного кризиса, высвобождения инициативы людей и предприятий. О социальных издержках трансформации почти никто не задумывался, а приватизации в обычном смысле противостояли популистские идеи «народного капитализма». Это обстоятельство стоит отметить потому, что приватизация с целью развития через создание класса эффективных хозяев не стала центром дискуссии, будучи погребена под валом рассуждений о разделе собственности и быстрой «политической» приватизации ради скорейшего ухода от социализма.

Принципиально важно дезагрегировать цели, интересы и ожидания групп на старте реформ — то, что обычно покрывается общей фразой о переходе к рынку и демократии.

Советская политическая элита была в растерянности и расколота: центральная ее часть давно оторвалась от своих региональных корней и смешалась с московской бюрократией, но, маневрируя и оставаясь наверху, потеряла возможность перераспределять ренту в пользу республик. Несмотря на разумные (хотя и не очень продуманные в технологическом плане) попытки выйти из глобальной конфронтации, шанс провести рыночные реформы до обострения экономического кризиса (как это сделало китайское руководство) был упущен — в частности, из-за неготовности центральной элиты отступить от идеологических догм. В борьбе с ней сложилась временная коалиция элит российских регионов и национальных элит союзных республик, перед которыми открывалась перспектива превращения в элиты независимых государств — слишком сильный стимул, чтобы ему сопротивляться. Прагматически пожертвовав СССР, региональная коалиция взяла власть в 15 новообразованных странах и ради внешней легитимации нового положения вещей приняла идеологию перехода к рынку и демократии (независимо от искренности демократических убеждений конкретных своих представителей). При этом второй главный вопрос социальной революции (после вопроса о власти) — о собственности — остался непроясненным.

Старая «промышленная» элита (директора предприятий) пыталась маневрировать в условиях кризиса, стараясь выйти из-под контроля квазисобственников — министерств и/или областных (республиканских) органов¹⁰. После принятия в 1990 г. Закона о предприятиях и предпринимательской деятельности был запущен процесс трансформации менеджеров в собственников *de facto*. Совершив критический переход в пучке прав собственности (распоряжение — пользование — владение) через захват «пользования», они начали готовиться и ко второму шагу — захвату «владения». Пока же, в условиях ослабления государственных контролеров, которые были уже не в состоянии извлекать из предприятий ренту и прибыли, они направляли свои усилия на максимизацию текущих выигрышей — от приватизации чистого дохода

¹⁰ См. Корнаи [Kornai] 1990.

до приватизации активов. При этом они, видимо, были готовы выполнять определенные («умеренные») обязательства предприятий старого времени — как средство страховки своего нового положения.

Будущая финансовая элита еще занималась первоначальным накоплением капитала, создавая кооперативы, а потом первые банки, спекулируя компьютерами, наживаясь на гиперинфляции. Представленная широким спектром малых групп от «комсомольских фритредеров» до криминального коммерческого подполья, она продвигала идею радикализации реформ, делая первые чисто денежные капиталы. Ее стремления были ясны — максимальная либерализация без обязательств; претензии на политическую власть казались еще очень далекими.

Интеллигенция (протосредний класс) — масса врачей, учителей, инженеров, научных работников, чиновников и офицеров — находилась в состоянии «полуголодной надежды» на свободу и нормальную жизнь, наивно полагая, что избавление от советской бюрократии высвободит рыночные силы, которые сравнительно быстро обеспечат процветание и приближение к Западу по уровню жизни, свободе слова и т.д. Это был, естественно, основной носитель либерально-демократических идей — но без доступа к активам и без навыка и тяги к коммерции. В будущем интеллигенция начнет раскалываться на тех, у кого есть что «экспортировать», и остальных. Первые при либерализации получают доступ к международным контрактам, местам в университетах и т.д. и резко улучшают свое финансовое положение, хотя и не станут крупными собственниками. Основной же «образованной массе» предстояло пережить тяжелейший транзитивный кризис вместе с подавляющей частью населения.

Ожидания индивидов и общественных групп в решающей степени зависят от общего объема и содержания имеющейся у них информации. В рассматриваемый период доступ к адекватной и комплексной информации о рыночном капитализме, как научной, так и практической, был крайне ограничен¹¹. В этом плане большую роль сыграло подражание польской реформе, хотя базисные условия были совершенно разными. Это важно в том числе потому, что в России (в отличие от Китая) трансформационные реформы направляла не политическая элита, а интеллигенция, не обладавшие достаточным опытом и управленческими навыками.

Новый бизнес, формирование которого началось только в конце горбачевского периода, постепенно создавал приток товаров и услуг, используя инфляцию, а главное — открытие границ. Здесь основными проблемами были безопасность и выборы. Все стало подвижно, ново, и ожидания сильно превосходили реальное положение вещей.

Массы трудящихся изнемогали в очередях. Перспективы трансформации осознавались ими очень смутно, но перемены давали надежду на лучшее будущее. На настроения масс указывает уже тот факт, что на первых свободных выборах преимущество получили деятели с оппозиционным имиджем и относительно молодые люди. Текущими же про-

¹¹ Насколько известно автору, реформаторы 1990—1992 гг. не имели возможности систематически читать серьезную западную научную литературу, хотя большинство из них и владело английским языком.

блемами на уровне семей были дефицит товаров, скрытая инфляция и острое ощущение несправедливости. Справедливость же в российских условиях на сознательном и подсознательном уровне ассоциировалась не только и даже не столько с учетом реальных заслуг, сколько с равенством.

Социально-экономическая система трещала по швам, макроэкономика была на грани катастрофы. Республиканские элиты становились контрэлитами и задумывались о выходе из Союза, политическая элита действовала медленно и неуверенно. Общую атмосферу в обществе лучше всего передает припев песни Виктора Цоя: «Перемен! Мы ждем перемен!». Это была прелюдия к драме последующего десятилетия.

**Время Ельцина
(1992–1996–
1999 гг.)**

Неоднородность 1990-х годов по макроэкономической динамике, положению населения и характеру реформ вполне очевидна. Тем не менее рассмотрение их в качестве единого периода (распадающегося на несколько подпериодов) представляется вполне оправданным ввиду наличия ряда характеристик, определивших облик десятилетия. Помимо президентства Б.Ельцина, это транзитный кризис, относительно низкие цены на нефть, доминирование либеральных методов решения любых задач и др. Остановимся на наиболее важных из них.

1. Неудача макростабилизации и перехода к росту. Глубина и характер транзитного кризиса 1990-х годов многократно описаны. Для наших целей достаточно отметить падение ВВП на 43% к 1998 г. (в два такта — с небольшим перерывом на 1997 г.). С точки зрения макроэкономической динамики можно было бы выделить несколько подпериодов и обсуждать их отдельно, но наша задача иная. Общая картина ясна (см. *рис. 1*) — правительствам РФ этого периода с их бесконечными бюджетными кризисами не позавидуешь.

Сделать что-то радикальное для стабилизации экономической ситуации практически так и не удалось. Программы МВФ мало помогли реформаторам; а дискуссии по поводу мудрости бесконечных долговых заимствований и поддержания курса рубля на странном уровне в 6 рублей за доллар (в 1996–1998 гг.) продолжают по сей день. Падение цен на нефть в 1998 г. на фоне азиатского кризиса окончательно свело на нет все предпринимавшиеся в предшествовавшие годы усилия по макростабилизации и преодолению бюджетного кризиса, оставив правительство без доходов, но с обрушенными государственными казначейскими обязательствами, параличом банковской системы и огромными старыми и новыми долгами. К 1999 г. безработица достигла 13%, а средняя почасовая зарплата опустилась заметно ниже доллара (см. *рис. 2*). Норма накопления в ВВП — объективный показатель успеха реформ — держалась в пределах 15–17%, но выбраться из «инвестиционной ямы» не удалось до сих пор.

По правде сказать, ситуация на протяжении всех этих лет была настолько нетривиальной, что вина действовавших тогда правительств

за неудачу далеко не очевидна — возможно, решения и не было. Однако удивительный оптимизм бесконечно сменявших друг друга планов и концепций, а также наивная вера в то, что сложнейшие российские проблемы можно преодолеть теми макроэкономическими методами, которые предлагались, бесспорно, сыграли здесь свою роль.

2. Проведение масштабных институциональных реформ (Конституция, законы, новые институты и правила). Эта гигантская работа была проделана в 1992—1996 гг., то есть фактически за несколько лет. Не имея возможности подробно рассматривать здесь весь комплекс институциональных преобразований, остановимся лишь на проблеме собственности, которая является решающей в трансформации, поскольку именно собственники в конечном итоге определяют поведение менеджеров, инвестиционную политику, отношение к законам и политикам, поддержку институтов гражданского общества, ввоз и вывоз капитала. В момент приватизации будущие собственники — это зависимые фигуры, которые пытаются использовать новые правила для приобретения активов. Но по завершении процесса перехода прав собственности их взгляд на социально-политические процессы и экономическую политику может существенно разойтись с воззрениями тех политических сил, которые позволили им приобрести соответствующие активы. С точки зрения теории «зависимости от предшествовавшего развития» влияние институциональных реформ 1992—1996 гг. настолько велико, что стоит обсудить, не превосходит ли оно зависимость от советского прошлого...

То, что приватизация в России окажется чрезвычайно сложной, было понятно еще до ее начала¹². Но те формы, которые она приняла, не могут не вызывать удивления. При тяжелом бюджетном кризисе приватизация 45 тыс. предприятий принесла казне порядка 9 млрд. долларов, что в несколько раз меньше, чем, скажем, в Бразилии или Аргентине. Есть основания подозревать, что за исключением, пожалуй, 1997 г. доходы казны от приватизации были ниже расходов на ее проведение¹³, что, вообще-то говоря, нерационально. Отсутствие доходов от приватизации сыграло резко контрпродуктивную роль в отношении такого принципа реформ, как устойчивость реформаторской политики и последовательность преобразований. Бюджетный кризис при отсутствии помощи извне в критический момент формирования новых институтов настолько ослабил государство (и как реформатора, и как регулятора), что неформальные институты, похоже, укреплялись быстрее формальных.

По сути, приватизация проводилась в политических целях («жадность против коммунизма»). Что касается таких критических на этом ключевом направлении реформ задач, как создание эффективного собственника и качественных институтов рыночной экономики, обеспечение корпоративного контроля, привлечение иностранного капитала, то они не только не были реализованы, но даже и поставлены. Принципиально важно, с нашей точки зрения, что приватизация, реприватизация, рейдерство и искусственные банкротства, захваты активов

¹² См. Grigoriev 1992; Григорьев [Grigoriev] 1995: 62—74.

¹³ См. Григорьев [Grigoriev] 2003: табл. 2.

государством не прекращались практически никогда — даже спустя два десятилетия после воплощения в жизнь «массовой и быстрой» схемы.

¹⁴ См. Тамбовцев [Tambovcev] (ред.) 2009.

Важнейшей проблемой по сей день остается нелегитимность крупной собственности в глазах населения¹⁴. Как отмечают, в частности, Б.Блэк, Р.Краакман и А.Тарассова, «россияне не делают четких различий между ваучерной приватизацией (в которой большинство получило бесполезные акции) и коррумпированными продажами крупнейших предприятий. Общим итогом того и другого стало недоверие народа к приватизации и рыночной экономике, что замедлило прочие реформы и будет воздействовать на будущие рыночные реформы в следующие десятилетия. Таково оказалось тяжелое бремя цены, уплаченной за неопределенность экономических выгод быстрой приватизации»¹⁵.

¹⁵ Black, Kraakman, Tarassova 2000: 1788.

Политическое воздействие приватизации было негативным, поскольку разочарование граждан наступило слишком быстро — уже летом 1993 г. Разумеется, нельзя отрицать позитивного значения развития коммерции и постепенного насыщения потребительских рынков, а также появления нового бизнеса как потенциальной социально-политической силы, поддерживающей рыночные и демократические преобразования. Да, не бывает «справедливой» приватизации, но ее можно было бы, по крайней мере, использовать как инструмент политического влияния для расширения круга своих сторонников. Эта идея была даже обсчитана применительно к двум французским, двум английским, чешской и чилийской приватизациям, причем оказалось, что в пяти случаях из шести так и произошло¹⁶. В России же вместо поддержки сторонников реформ и правительства реформаторов приватизация скорее демонстрировала переориентацию на «любителей быстрого обогащения».

¹⁶ Biais, Perotti 2000.

Не по научным и даже не по газетным статьям, а на личном опыте огромные массы граждан страны убеждались, что приватизация не только не справедлива, но и ведет к драматическому неравенству. Все сознавали реальное неравенство между номенклатурой и «народом» в Советском Союзе, но оно формально осуждалось, скрывалось и в целом касалось преимущественно сферы потребления. Стремительное распределение — и почти даром — огромных производственных активов СССР, сформированных трудом миллионов, настолько противоречило «интеллигентским» представлениям о рынке (не говоря уже о народных взглядах на «справедливость»), что реформаторы не могли не понести огромных имиджевых и политических потерь. С точки зрения прагматических — можно сказать, политических — интересов реформаторов задача, конечно, состояла в том, чтобы дать широким слоям общества длительную надежду на получение своей доли активов. Истерическая скорость приватизации, внезапная сверхконцентрация активов при передаче предприятий любой сложности «неклассифицированным» (то есть вне зависимости от степени компетентности) индивидам, возможно, отдаляли общество от коммунизма, но не слишком приближали к рациональному рынку.

Позднее оказалось, что подобный тип приватизации (в частности, по отдельным предприятиям) ведет к потере важных составляющих производственных комплексов и НИИ и негативно сказывается на занятости. Правительству практически не удалось получить какие-либо текущие политические выгоды, как потом не удалось получить долгосрочные предполагаемые выгоды от новых хозяев активов, которые оказались очень далеки от «эффективных». Общий результат этой грандиозной по масштабам приватизации: разочарование современников и огромные проблемы на два десятилетия вперед¹⁷.

¹⁷ Григорьев
[Grigoriev] 2011б.

3. Создание нового бизнеса. В условиях кризиса это было нелегко, коррупция уже начинала распространяться. Но в конце концов это оказалось главным достижением реформаторов, хотя без достаточных институтов рынка закрепить успех в части малого и среднего бизнеса не получилось.

Положение обычных граждан страны стало за десятилетие по многим параметрам хуже, чем на старте реформ. Вплоть до 2003 г. часовая ставка оплаты труда оставалась примерно на уровне доллара или даже ниже (см. рис. 2). Чувство свободы, возможность влиять на события тоже были весьма ограниченными. Тяжесть кризиса усугублялась и его затяжным характером. В странах Центральной и Восточной Европы кризис тянулся четыре-пять лет и был слабее — в пределах 20—25% падения ВВП. Этот контраст послужил дополнительным фактором разочарования в реформах, отчетливо видного со второй половины 1990-х годов. О том, какой силы было давление кризисной среды на небогатые российские семьи, наглядно свидетельствуют данные, приводимые в табл. 2. Десять лет кризиса, структурная безработица, инфляция, обнищание пенсионеров и интеллигенции, рост самоубийств — все это подробно обсуждалось в литературе, и мы не будем на этом останавливаться. Отметим только отвратительное ощущение провала и гигантских социальных издержек — вместо обещанного на старте благосостояния в эффективной рыночной экономике.

Следствием глубины и продолжительности кризиса оказался колоссальный разрыв между новыми богатыми и основной массой населения. Кризис сорвал семьи с традиционных социальных «якорей». Кто-то бросился в «челноки», кто-то эмигрировал, кто-то, отчаявшись, пустился во все тяжкие, расширяя социальный рекрутинг в криминальный мир. Даже в 2010-х годах большая часть россиян живет хуже, чем в условиях поздних 1980-х с их очередями, а в 1990-х жизнь была особенно тяжела¹⁸.

¹⁸ Андрущак и др.
[Andrushhak i dr.]
2011.

Трудящиеся были придавлены кризисом, регионы выживали в различных «губернаторских» комбинациях, новые большие компании начали осваивать территории, поджимая независимый бизнес. Трудно сказать, была ли среди основных групп интересов (кроме «олигархов») хоть одна вполне довольная результатами ельцинского периода реформ в социально-экономической сфере. Разве что новый бизнес тогда еще не так жаловался на коррупцию, как в более поздние времена.

Финансовая олигархия в основном сформировалась и претендовала на власть. В силу ряда факторов — закрепление правовой надежности «владения» (офшор, адвокаты), улучшение системы управления активами и повышение их рыночной стоимости (налаживание финансовых рынков отдельно от эффективности предприятий) — ее положение в 1990-х годах постоянно улучшалось. Интеллигенция все больше склонялась к эмиграции как способу решения проблем если не для себя, то для детей (что продолжается до сих пор). Политическая элита была или слаба, или зависима от элиты финансовой (при отсутствии собственной финансовой базы).

Слом описанного положения вещей начался с перемен в государственном аппарате при правительстве Е.Примакова — то есть сверху. Либерально-реформаторский период заканчивался на экономическом кризисе, усталости населения, нерешенных социально-экономических проблемах — и при отсутствии ресурсов для изменения ситуации.

Разумеется, наряду со спорными реформами этот длинный период содержал и много необходимых. Свобода слова и передвижения, исчезновение парткомов и навязчивой идеологии, выход из мировой конфронтации — важность всех этих преобразований нельзя недооценивать. Но вопрос о благосостоянии, справедливости и о многом другом оставался открытым. Если мы попробуем взглянуть на Россию в конце ключевого периода трансформации глазами трудящихся и интеллигенции, особенно с учетом их ожиданий десятилетней давности, картина окажется достаточно грустной.

Основные институты, определившие лицо российского капитализма, включая институт собственности, были сформированы за первые четыре-пять лет реформ. Потом — в ходе кризиса 1998 г. — отчетливо обнаружился провал макрополитики, осуществляемой с опорой на советы внешних экспертов. Но время было упущено, собственность роздана, безработица достигла пика, эмиграция раскручивалась. На исходе десятилетия перспектив для выхода из кризиса видно не было — помощь извне была не слишком велика, поступала не слишком вовремя и шла не слишком на «то». Нужен был новый источник средств — «джокер из рукава». Надо было углублять реформы, совершенствовать отношения собственности и контроля.

Рост на базе нефтяной ренты (2001–2008 гг.)

Период между кризисами легко разбивается на два подэтапа — не столько двумя президентствами В.Путина, сколько ценой на нефть и политикой правительства. В конце 2003 г. стартовало дело ЮКОСа — примерно одновременно с началом роста цен на нефть. В подобных случаях многие государства пытаются выжать из владельцев нефтяных компаний дополнительный доход (например, по схеме раздела продукции). Так что специфика России заключалась не столько в целях, сколько в методах.

Но первая попытка добиться ускорения роста, модернизации и восстановления страны после кризиса была предпринята администра-

цией Путина еще до резкого роста нефтяных цен. Она (считающаяся «либеральной») опиралась на комплекс реформ, которые имели вначале определенный эффект. При этом выход экономики страны в 1999—2000 гг. из тяжелейшего кризиса породил иллюзию возможности быстрого роста без глубоких реформ.

Выход из кризиса 1998 г. был сравнительно быстрым по следующим причинам:

- резкая девальвация рубля, создавшая стимулы для экспорта и ограничения по импорту;
- постепенный рост цен на нефть (за рубеж в 30 долл. за баррель) в 1999—2000 гг.;
- еще сохранявшийся запас свободных мощностей и дешевой рабочей силы;
- резкое сокращение долларовой стоимости долгов экспортных компаний налоговым органам («реформа Солона по-российски»), значительная реструктуризация налоговой задолженности.

В 1999—2000 гг. российская экономика выползала из кризиса и без каких-либо ясных надежд на «дорогую нефть». В этих условиях появилась «программа Грефа» — не последняя из написанных либеральных программ, но, видимо, последняя, которую действительно пытались реализовать. У этой программы до сих пор есть сторонники, и она, бесспорно, обладала определенными плюсами в плане дебюрократизации бизнеса (позднее сметенными обратной волной). Но имевшийся в эти несколько лет — между кризисом и ростом нефтяной ренты — шанс на «капитальный ремонт» российского капитализма «на ходу» (на наш взгляд, последний в рамках переходного периода) был упущен.

Критические проблемы страны — отношения собственности, развитие конкуренции, укрепление и совершенствование корпоративного, федерального и регионального контроля и управления — решены не были. Средние темпы прироста ВВП в первой части периода были неплохими (порядка 7% в год) — однако от очень низкой базы. Но главное — не удалось добиться роста инвестиций в таких масштабах, которые бы позволили компенсировать «яму» предшествовавшей декады¹⁹. Инвестиции росли примерно вровень с ВВП и не давали больших шансов на «технологическую» модернизацию. Вместе с тем это были первые с середины 1980-х годы, когда положение населения стало улучшаться. И потребительские расходы, и строительство жилья пошли вверх (см. *рис. 3*), пусть и не очень значительно.

Политическая и финансовая элиты сохраняли некий уровень независимости в принятии решений: политическая «уже» обладала ей, а финансовая — «еще». Появление нефтяной ренты развязало руки политической элите — она получила независимый от налогоплательщиков источник бюджетных поступлений, причем настолько большого объема, что даже ввела плоский (13%) налог на доходы физических лиц.

Дело ЮКОСа обозначило перелом в отношениях государства с финансовой олигархией. С 2004 г. появилась принципиальная воз-

¹⁹ Григорьев
[Grigoriev] 2008.

возможность «подкармливать» бедные слои (например, пенсионеров) и регионы. Положение государства как доминирующей силы начало укрепляться. Исполнительный аппарат все больше финансировался не налогоплательщиками, а нефтяной рентой; бедные регионы получали дотации из федеральных фондов, пенсионеры — из бюджета.

При оценке первых двух сроков Путина очень важно учитывать, что для огромной массы обедневших граждан страны (составлявших примерно 70% населения) это было время внезапного обретения стабильности и уверенности в завтрашнем дне. Не будем переоценивать способность «широких масс» к пониманию экономической политики, роли бизнеса и т.п. — равно как и ориентированность россиян на государственный патронаж (она не выше, чем в Европе). В основе возросшей связи небогатых граждан с государством лежало потребительское благополучие: за семь предкризисных лет средний темп прироста реальных (!) розничных покупок населения составлял 11% — недостижимая мечта для подавляющего большинства стран. Вместе с тем с окостенением социальной структуры в 2000-х годах российские граждане, по сути, лишились лифтов вертикальной мобильности, *de facto* оказавшись в обществе латиноамериканского типа.

Положение нового бизнеса, как ни парадоксально, не слишком улучшилось — региональные и местные власти, вслед за федеральными, ужесточали давление на него. Роль «федералов» как в финансировании, так и в принятии решений продолжала расти. Ощущая все больший нажим со стороны политической элиты, финансовая элита в качестве страховки расширяла свои проекты за пределами страны.

Внутренняя модель развития российской экономики оказалась «заточена» под выживание и стабильность, а не модернизацию. Быстрое наращивание потребления, постепенное укрепление госкомпаний, концентрация бюджетных ресурсов — и отсутствие сколько-нибудь серьезной базы для процесса накопления. Сложившееся еще в 1990-е годы неравенство доходов закрепилось буквально на аргентинском уровне. При бурном росте личного потребления инвестиции так и не обогнали по-настоящему рост ВВП. За четверть века в России не было большого инвестиционного бума!

Новый бизнес и интеллигенция сталкивались с усилением государственного контроля, но приток нефтяной ренты, похоже, перекрывал недостатки институтов. Потребительский бум на нефтяной ренте хорошо известен историкам мирового хозяйства. Это время, когда политики, бюрократы и интеллектуалы, будучи по большому счету недовольны ужесточением внутренней правовой и социально-политической обстановки, строят коттеджи, отдыхают на мировых курортах и отправляют детей в лучшие университеты мира.

Именно в этот период быстрого роста государственных доходов началось укрепление обороноспособности страны (забытой и не финансировавшейся в 1990-х), повышение пенсий и зарплат и увеличение численности чиновников. Проекты модернизации приобретали все

более технократический характер. Но впоследствии это время будет вспоминаться всеми слоями общества как отдушина на фоне бесконечной череды кризисов.

В целом сложившуюся до кризиса 2008—2009 гг. модель можно квалифицировать как бюрократическо-патерналистскую с растущим огосударствлением. Характер организации экономики не позволял надеяться на ускоренное развитие страны в качественных аспектах (технологии, модернизация и т.д.). Проблема концентрации ресурсов для следующего этапа оставалась нерешенной. Модель роста на ренте вполне оформилась. Впрочем, справедливости ради отметим, что отсутствие успехов в сферах накопления и модернизации оставило в руках государства огромные финансовые резервы, которые так пригодились в условиях мировой рецессии.

**Замедление роста
и истощение
рентной модели
(2009—2013 гг.)**

²⁰ Григорьев
[Grigoriev] 2007;
Григорьев и др.
[Grigoriev i dr.]
2007.

Данный период также может рассматриваться через призму двух подпериодов: (1) кризис и выход из него в 2009—2010 гг.; (2) вялый рост в 2011—2013 гг.

В 2007 г. — еще перед шоком кризиса — был подготовлен пакет идей для более радикальной модернизации, причем модернизации социальной, а не чисто технической²⁰. Авторы проекта не слишком высоко оценивали шансы на его реализацию, и вся затея действительно не имела успеха, в том числе по причине мировой рецессии. Ход кризиса 2008—2009 гг. показал, что основной целью российской политической элиты является стабильность. Стране удалось не допустить потерь вкладчиков банков (резкий рост застрахованных лимитов депозитов), поддержать бедные регионы, сгладить скачки безработицы, но она вышла из кризиса, потеряв еще часть разнообразия производимой промышленной продукции, еще более зависимой от экспорта углеводородов, еще более завязанной на бюджет, а не на частную инициативу.

²¹ См. <http://strategy2020.rian.ru/news/20120314/366267326.html>.

К марту 2012 г. по заказу правительства была подготовлена очередная программа модернизации страны — «Стратегия—2020»²¹. Авторы «Стратегии» были отмечены правительственными наградами (первый случай за четверть века реформ), однако саму ее постигла участь предыдущих программ, то есть широкого применения она не получила.

²² Об истощении
модели роста
на ренте см.,
в частности,
Голяшев, Григо-
рьев [Goljashev,
Grigoriev] 2014.

В последующие два года, несмотря на сохранение высоких цен на нефть, появились отчетливые симптомы того, что модель развития на ренте себя истощала²². В этой модели еще можно было существовать, поддерживать избранные бюджетные программы и направления: оборону, атомную энергетику, ТЭК в целом, пенсионеров и бедные регионы. Но во всем этом было очень мало именно развития, не говоря уже о натиске молодой страны, выходящей в первые ряды мирового прогресса. Резко обострилась проблема инвестиций. Капиталовложения крупного бизнеса (государственного и частного) осложняла их завязанность на бюрократические решения на верхних этажах власти, дороговизна кредита существенно затрудняла деятельность среднего и малого бизнеса.

Ключевыми проблемами оставались права собственности, суд и региональная коррупция.

В этих условиях политическая элита (как видно, в частности, по структуре федерального бюджета 2012—2014 гг.) сделала ставку не на развитие и рост, а на поддержку своей электоральной базы (пенсионеров и бюрократии), укрепление вооруженных сил и других силовых органов, региональное перераспределение и большие престижные проекты.

Финансовая элита, чтобы выжить, пыталась усидеть на двух стульях — и ладить с политической элитой внутри страны, и быть признанной на равных за рубежом, вкладываясь, как и предыдущие поколения нуворишей, в «местные» проекты. Концентрация богатства достигла неприлично высокого уровня: на 111 российских миллиардеров приходился капитал, равный 20% ВВП страны²³.

²³ *Billionaires 2014.*

В самом сложном положении оказались интеллигенция и новый бизнес. Либерализм выдохся, роль интеллигенции ослабла, гражданское общество так и не обрело независимости и способности сдерживать коррупцию и бюрократическое своеволие. Протест после думских выборов 2011 г. показал, что вопросами формирования власти по-настоящему озабочена только столица. Большую часть населения волнуют коррупция, фактическое неравенство граждан перед законом, незаконное обогащение — проблемы, типичные не для развитой демократии, а для страны с неустойчивыми институтами, резким огосударствлением общественной жизни и слабым гражданским обществом, то есть такой, какой и была Россия на старте реформ — четверть века назад. В целом ряде сфер, принципиальных для модернизации и конкурентоспособности, страна вернулась «на круги своя». Либеральный выбор не осуществился не потому, что он плох сам по себе, а потому, что под него не были созданы адекватные институты.

Кризис 2014 г.

Еще в начале 2014 г. элиты чувствовали себя относительно хорошо, хотя не слишком уверенно в долгосрочном плане. Интеллигенция и новый бизнес затихли. За ними бесстрастно наблюдали трудящиеся, еще не столкнувшиеся с серьезной безработицей и продолжавшие получать часть поступавшей в страну нефтяной ренты. Однако к концу года картина резко изменилась.

В последние месяцы 2014 г. началась быстрая девальвация рубля. Цена на нефть скатилась до 55 долл. за баррель (и продолжала опускаться). Падение цен на нефть уже породило сильный внешнеэкономический шок, вызвав цепную реакцию в виде снижения экономической активности и серьезных сдвигов в характере экономики²⁴. По прогнозам экспертов, в 2015 г. ВВП страны сократится на 2—4%, вероятно значительное снижение инвестиций и — впервые с 2009 г. — личного потребления. Рентная модель уже не просто исчерпала себя, но вошла в открытый кризис. На это наложились санкции Запада, которые уже дают себя знать в банковской сфере.

²⁴ *Кудрин, Гурвич
[Kudrin, Gurvich]
2014.*

Нарастанию экономических проблем сопутствовали изменения в положении всех групп интересов. Впрочем, политическая элита увидела опасность своего «ограничения» еще до обострения экономической ситуации и даже до украинских событий, о чем свидетельствует, в частности, возрождение государственной пропаганды. Определенным этапом на этом пути стали Олимпийские игры в Сочи. Поскольку игры были проведены хотя и дороговато (по мнению россиян), но вполне достойно, единодушно отрицательные отзывы мировых СМИ давали основания для поиска «заговора», и ощущавшая угрозу для себя политическая элита пошла на достаточно рискованные внешнеполитические шаги.

Можно спорить об обоснованности позиций сторон по конкретной повестке дня 2014 г., но итогом стала консолидация политических элит Запада против российской политической элиты. Обе стороны могут теперь констатировать (и имеют для этого аргументы), что были «правы»: российская элита может утверждать, что Украина лишь предлог для санкций, а западные — что в украинских событиях нашла отражение исходная агрессивность российского руководства. Примерно с июля 2014 г. внешний мир (США — ЕС — НАТО) не столько пытается понять, что происходит внутри России, сколько старается ограничить ее влияние на мировые события.

Внешний политический шок и украинские события обеспечили власти поддержку населения, так что обозначившийся экономический спад пока не повлек за собой драматических эффектов в сфере управления. Разрыв мнений по поводу Крыма и Украины явно ослабил оппозицию правительству и по внутривнутриполитическим вопросам.

Крупные компании и банковский сектор попали под санкции со стороны Запада. Падение цен негативно отразилось на нефтегазовом секторе. Для снижения расходов (примерно на 10%) пришлось пересматривать бюджет на 2015 г., возникла необходимость задействовать финансовые резервы страны. В этой ситуации финансовая элита оказалась вынуждена опираться на ресурсы государства, что блокировало ее потенциальный отход от элиты политической. Всё и все слишком переплетены, и санкции пока больше затрагивают собственно бизнес, нежели политиков. Без сильной политической элиты перспективы финансовой элиты выглядят весьма неопределенными. Будущее этих двух элит теперь зависит от наложения внутреннего кризиса на кризис внешней устойчивости страны.

Положение нового бизнеса и интеллигенции заметно осложнилось, резкая девальвация рубля нанесла удар в первую очередь по ним, их возможности жить по стандартам мирового среднего класса, путешествовать и т.п. Первой реакцией на девальвацию, как это обычно и бывает, стало «бегство от денег» (в форме покупки товаров по «старым ценам»). Трудящиеся к концу года еще только начали ощущать экономический спад, хотя увольнения уже идут.

Заключение

Проведенный нами анализ показывает, что трансформация российского (советского) общества пошла по очень странному для просвещенного наблюдателя пути. Соблазны приобретения огромной политической («великая держава») и финансовой (сотни миллиардеров) власти вполне реализовались — «властная элита» есть. В то же время колоссальные потери понесла интеллектуальная элита, масса интеллигенции, часть представителей которой эмигрировала, а часть приспособилась к существованию в стране, где талантливой молодежи трудно найти работу и падает качество образования. Зависимость от ряда факторов и явлений советского периода сохраняется — равно как зависимость от специфики трансформации первой половины 1990-х годов. Финансовые и политические элиты не ладят ни между собой, ни внутри себя и нуждаются не во взлете общественной мысли и активности, а в защите своего недавно обретенного положения. Кризис 2014 г. станет тестом на устойчивость общества и бизнеса.

О том, что принесли России минувшие 25 лет, можно судить по динамике ее ВВП в сравнении с ЕС, США и Китаем (см. *рис. 4*). С точки зрения целей трансформации среднеразвитой страны — картина весьма грустная²⁵. Ни элиты, ни интеллектуалы России не могут считать это успехом. В мировой долгосрочной конкуренции за благосостояние потеряны четверть века — и 2 млн. образованных граждан, которые покинули страну, сделав выбор в пользу устойчивой жизни и материального благополучия.

²⁵ См. Григорьев [Grigoriev] 2013.

Подведем итоги трансформации по группам интересов:

- политическая элита за эти годы дважды переформатировалась, и сейчас доминирует новая, но главные ее проблемы — статус державы и собственная устойчивость;
- финансовая элита — частично под контролем государства, частично корнями в офшорах; пытаясь сохранить максимум финансовой независимости от государства, она маневрирует в игре «в долгую» и держит значительный запас активов за пределами страны;
- новый бизнес слаб, сильно зависит от коррупции и тоже создает резервы безопасности в офшорах;
- трудящиеся — относительно стабильное существование после 2004 г., но лишь на основе огромной нефтяной ренты (которая, похоже, осталась в прошлом) и при сильнейшей зависимости от бюджетных распределительных процессов;
- интеллигенция сжалась, потеряла позиции в обществе, покупает квартиры в Европе и отправляет детей за рубеж. Старшее поколение еще способно к воспроизводству, однако трансформация выбросила в эмиграцию (то ли на растворение в мировом среднем классе с потерей идентичности, то ли на выживание вне страны, которую они еще любят, но в которой для них нет достойных рабочих мест) порядка 2 млн. молодых образованных людей — и процесс продолжается.

Основная проблема России после четверти века преобразований: как обеспечить качественный прогресс при сложившихся институтах,

сложном наборе социально-экономических проблем, имеющих элиты и невероятно обострившемся внешнем фоне?

Главные трудности страны еще впереди, правительство только приступает к выработке (даже не реализации!) антикризисных мер управления социально-экономическими процессами. Как не было простых путей модернизации России в ходе подъема 2000-х годов, так, очевидно, нет и ясных путей преодоления начинающегося спада.

Библиография

Андрушак Г.В. и др. 2011. *Уровень и образ жизни населения России в 1989—2009 годах: Доклад на XII Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. Москва, 5—7 апр. 2011 г.* — М. [Andrushhak G.V. i dr. 2011. Uroven' i obraz zhizni naselenija Rossii v 1989—2009 godakh: Doklad na XII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii po problemam razvitija ehkonomiki i obshhestva. Moskva, 5—7 apr. 2011 g. — M.].

Гайдар Е.Т. 1997. *Государство и эволюция.* — СПб. [Gajdar E.T. 1997. Gosudarstvo i ehvoljucija. — SPb.].

Гайдар Е.Т. 2006. *Гибель империи: Уроки для современной России.* — М. [Gajdar E.T. 2006. Gibel' imperii: Uroki dlja sovremennoj Rossii. — M.].

Голяшев А.В., Григорьев Л.М. 2014. Экономика России — исчерпание послекризисной модели роста // *Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации — 2014.* — М. [Goljashev A.V., Grigoriev L.M. 2014. Ehkonomika Rossii — ischerpanie poslekrizisnoj modeli rosta // Doklad o chelovecheskom razvitii v Rossijskoj Federacii — 2014. — M.].

Григорьев Л.М. 1995. Распределение собственности и контроля в процессе приватизации: последствия для иностранных инвесторов // *Иностранные инвестиции в России: тенденции и перспективы.* — М. [Grigoriev L.M. 1995. Raspredelenie sobstvennosti i kontrolja v processe privatizacii: posledstvija dlja inostrannykh investorov // Inostrannye investicii v Rossii: tendencii i perspektivy. — M.].

Григорьев Л.М. 2003. Программы приватизации 90-х гг. // *Сравнительный анализ стабилизационных программ 90-х годов.* — М. [Grigoriev L.M. 2003. Programmy privatizacii 90-kh gg. // Sravnitel'nyj analiz stabilizacionnykh programm 90-kh godov. — M.].

Григорьев Л.М. 2007. Конфликты интересов и коалиции // *Pro et Contra.* № 4—5 [Grigoriev L.M. 2007. Konflikty interesov i koalicii // Pro et Contra. № 4—5].

Григорьев Л.М. 2008. Инвестиционный процесс: накопленные проблемы и интересы // *Вопросы экономики.* № 4 [Grigoriev L.M. 2008. Investicionnyj process: nakoplennye problemy i interesy // Voprosy ehkonomiki. № 4].

Григорьев Л.М. 2010а. 500 дней на революцию сознания? // *ЭКО.* № 5 [Grigoriev L.M. 2010a. 500 dnejj na revoljuciju soznanija? // EhKO. № 5].

- Григорьев Л.М.** 2010б. *Экономика переходных процессов*. — М. [Grigoriev L.M. 2010b. *Ehkonomika perekhodnykh processov*. — M.].
- Григорьев Л.М.** 2010в. Элиты и средний класс // *SPERO*. № 13 [Grigoriev L.M. 2010v. *Ehlity i srednij klass* // *SPERO*. № 13].
- Григорьев Л.М.** 2011а. Элиты — выбор для модернизации // Dutkiewicz P., Trenin D. (eds.) *Russia: The Challenges of Transformation*. — N.Y. [Grigoriev L.M. 2011a. *Ehlity — vybor dlja modernizacii* // Dutkiewicz P., Trenin D. (eds.) *Russia: The Challenges of Transformation*. — N.Y.].
- Григорьев Л.М.** 2011б. Собственность и контроль — 20 лет спустя // *ЭКО*. № 7 [Grigoriev L.M. 2011b. *Sobstvennost' i kontrol' — 20 let spustja* // *EhKO*. № 7].
- Григорьев Л.М.** 2013. Сценарии развития и экономические институты // *Экономическая политика*. № 3 [Grigoriev L.M. 2013. *Scenarii razvitija i ehkonomicheskie instituty* // *Ehkonomicheskaja politika*. № 3].
- Григорьев Л.М. и др.** 2007. *Коалиции для будущего: Стратегии развития России*. — М. [Grigoriev L.M. i dr. 2007. *Koalicii dlja budushhego: Strategii razvitija Rossii*. — M.].
- Григорьев Л.М., Иванова О.В., Корчагина О. С.** 1991. Экономика СССР: новая фаза кризиса // *Тенденции мирового экономического развития*. — М. [Grigoriev L.M., Ivanova O.V., Korchagina O. S. 1991. *Ehkonomika SSSR: novaja faza krizisa* // *Tendencii mirovogo ehkonomicheskogo razvitija*. — M.].
- Григорьев Л.М., Плаксин С.М., Салихов М.Р.** 2008. Послекризисная структура экономики и формирование коалиций для инноваций // *Вопросы экономики*. № 4 [Grigoriev L.M., Plaksin S.M., Salikhov M.R. 2008. *Poslekrizisnaja struktura ehkonomiki i formirovanie koalicii dlja innovacij* // *Voprosy ehkonomiki*. № 4].
- Корнай Я.** 1990. *Дефицит*. — М. [Kornai Ja. 1990. *Deficit*. — M.].
- Кудрин А., Гурвич Е.** 2014. Новая модель роста для российской экономики // *Вопросы экономики*. № 12 [Kudrin A., Gurchich E. 2014. *Novaja model' rosta dlja rossijskoj ehkonomiki* // *Voprosy ehkonomiki*. № 12].
- Программа** углубления реформ. 1992 // *Российская газета*. 17.07 [Programma uglublenija reform. 1992 // *Rossijskaja gazeta*. 17.07].
- Тамбовцев В.Л. (ред.)** 2009. *Права собственности, приватизация и национализация в России*. — М. [Tambovcev V.L. (red.) 2009. *Prava sobstvennosti, privatizacija i nacionalizacija v Rossii*. — M.].
- Biais B., Perotti E.** 2000. *Machiavellian Privatization* (<http://www.ae-aeweb.org/articles.php?doi=10.1257/000282802760015694>).
- Billionaires Putting on Weight Each Year.** 2014. — Bern.
- Black B., Kraakman R., Tarassova A.** 2000. Russian Privatization and Corporate Governance: What Went Wrong? // *Stanford Law Review*. July.
- Grigoriev L.** 1991. Soviets Need a Unified Free Economy // *New York Times*. 12.09.
- Grigoriev L.** 1992. Ulterior Property Rights // Ausland A. (ed.) *The Post-Soviet Economy*. — L.

Приложение

Таблица 1 Этапы и акторы

	Политическая элита	Финансовая элита	Интеллигенция	Новый бизнес	Трудающиеся
<i>Горбачев</i>	Провал	Что будет?	Наивная надежда на демократию и рынок	Выход из подполья	Совсем плохо
<i>Ельцин 1</i>	Борьба и реформа	Как быть?	Восторг от реформ без активов от приватизации	Формирование и рост	Еще хуже
<i>Ельцин 2</i>	Контроль	Контроль	Усталость и бедность	Макрообвал	Еще хуже
<i>Путин 1</i>	Попытка реформ	Пока еще мир	Нотой в эмиграции	Рента, но коррупция растет	Зато выиграли войну
<i>Путин 2</i>	Рента на державу	ЮКОС как урок	Проблема этатизации	Коррупция и олигархи	Улучшения на базе нефтяной ренты
<i>Медведев</i>	Мировой кризис	Делиться нало	Некоторый возврат либерализма	Привыкли к коррупции	Кризис, но есть Резервный фонд
<i>Путин 3</i>	Сиди дома	Плати дома	Эмиграция или?	Коррупции меньше вовне	Пока есть рента
<i>2014</i>	Дисциплина	Деофшоризация	Шок	Выведение средств, перетибы	Начало кризиса
<i>Итог</i>	Консолидация	Зависимость и ожидание	Разочарование и ожидание	Капитал тут и там	Пока нефть — тихо

Таблица 2 Отдельные показатели развития России, 1990–2013

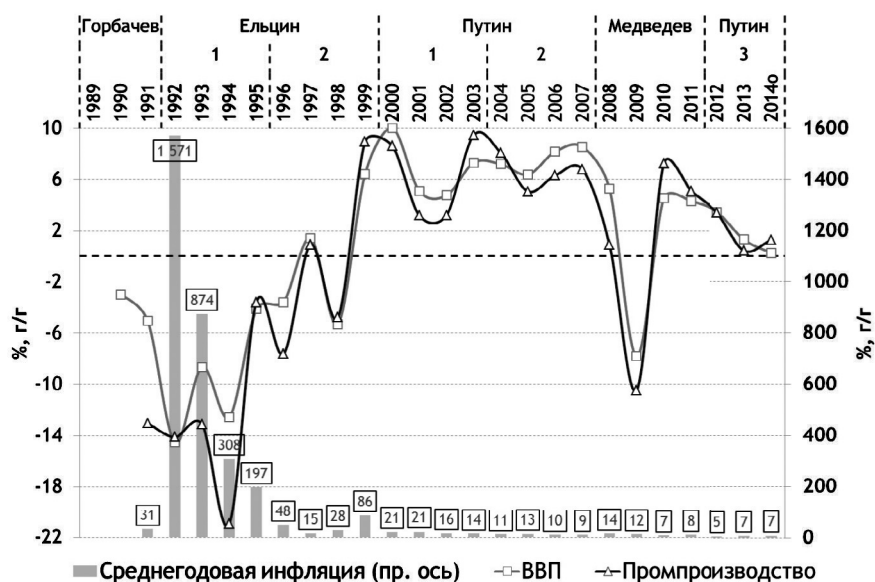
<i>Президенты</i>			<i>Ельцин</i>							
			<i>1</i>				<i>2</i>			
<i>Сроки</i>	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
<i>Показатели</i>	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
<i>Ввод жилых помещений (тыс. штук)</i>	1487	1470	1422	1259	1174	910	725	619	537	380
<i>Потребительские расходы (млрд. долл.)</i>	290	237	169	192	188	195	194	212	149	100
<i>Безработица (%)</i>		0,0	4,8	5,3	7,2	8,5	9,6	10,8	11,9	13,0
<i>Оплата труда (долл./час)</i>						0,8	1,0	1,2	1,0	0,5
<i>Среднегодовая инфляция</i>		31,4	1571	874	308	197	47,8	14,8	27,7	85,8
<i>Прирост ВВП (%)</i>	-3,0	-5,0	-14,5	-8,7	-12,6	-4,1	-3,6	1,4	-5,3	6,4
<i>Прирост промышленного производства (%)</i>		-13,0	-14,1	-13,1	-21,0	-3,6	-7,6	0,9	-4,8	8,9
<i>Население на середину года (млн. чел.)</i>	148,3	148,6	148,7	148,5	148,3	148,1	148,2	147,9	147,7	147,2
<i>Расходы консолидированного бюджета (тыс. долл./чел.)</i>			0,15	0,44	0,74	0,73	0,86	0,98	0,59	0,35
<i>Дефицит консолидированного бюджета (% ВВП)</i>	1,3	-2,7	3,4	4,6	10,7	-3,4	-4,7	-5,5	-5,9	-0,9
<i>Военные расходы (% ВВП)</i>			4,8	4,5	4,9	4,1	4,0	4,3	2,9	3,3
<i>Цена нефти Brent (долл.)</i>	42	34	32	27	25	26	31	28	18	25
<i>Курс рубля к доллару США</i>			0,3	0,9	2,1	4,5	5,1	5,8	9,7	24,6
<i>Индексы</i>										
<i>Инфляция + безработица</i>		31	1576	880	315	206	57	26	40	99
<i>Инфляция + безработица + бюджетный дефицит</i>		29	1579	884	326	202	53	20	34	98
<i>Инфляция + безработица + бюджетный дефицит — прирост ВВП</i>		34	1594	893	338	207	56	19	39	91

Путин								Медведев				Путин	
1				2								3	
2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
373	382	396	427	477	515	609	721	768	702	717	786	820	848
113	143	166	206	282	365	467	615	791	648	760	904	970	1054
10,6	8,9	8,0	8,6	8,2	7,6	7,2	6,1	6,3	8,4	7,3	6,5	5,5	5,5
0,5	0,7	0,9	1,1	1,4	1,8	2,4	3,2	4,2	3,6	4,2	4,9	5,2	5,7
20,8	21,5	15,8	13,7	10,9	12,7	9,7	9,0	14,1	11,7	6,9	8,4	5,1	6,8
10,0	5,1	4,7	7,3	7,2	6,4	8,2	8,5	5,2	-7,8	4,5	4,3	3,4	1,3
8,6	3,2	3,2	9,4	8,1	5,0	6,3	6,8	0,9	-10,5	7,2	5,1	3,4	0,4
146,6	146,0	145,4	144,7	143,8	143,1	142,5	142,1	142,0	141,9	142,4	143,0	143,2	143,5
0,48	0,57	0,75	0,89	1,13	1,68	2,16	3,13	3,96	3,56	4,07	4,76	5,13	5,46
1,9	3,0	0,9	1,3	4,5	8,1	8,4	6,0	4,9	-6,3	-3,4	1,5	0,4	-1,3
3,6	3,8	4,1	3,9	3,5	3,6	3,5	3,4	3,3	4,1	3,8	3,7	3,9	4,1
39	32	32	37	47	65	75	81	105	67	85	115	113	109
28,1	29,2	31,3	30,7	28,8	28,3	27,2	25,6	24,9	31,8	30,4	29,4	31,1	31,8

31	30	24	22	19	20	17	15	20	20	14	15	11	12
33	33	25	24	24	28	25	21	25	14	11	16	11	11
23	28	20	16	16	22	17	13	20	22	6	12	8	10

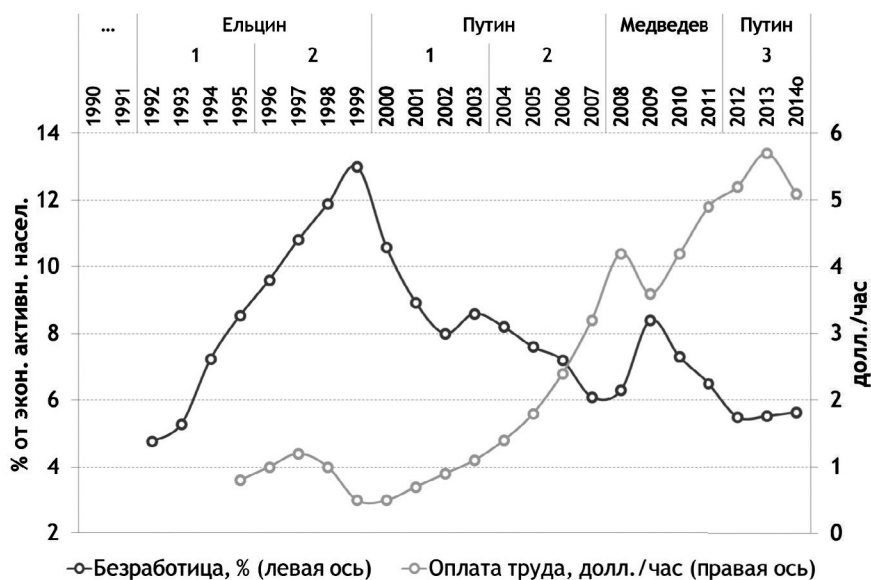
Источники: Росстат, МВФ, Всемирный банк, SIPRI, GSP, BP, Euromonitor.

Рисунок 1 Макроэкономические показатели России, 1989–2014

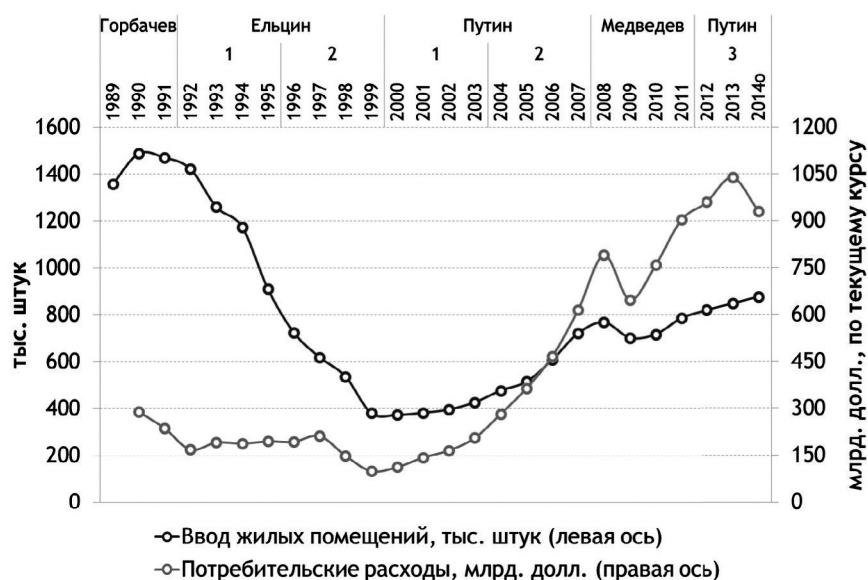
Источники: МВФ, Всемирный банк, Euromonitor.

Рисунок 2 Оплата труда и безработица в России, 1990–2014

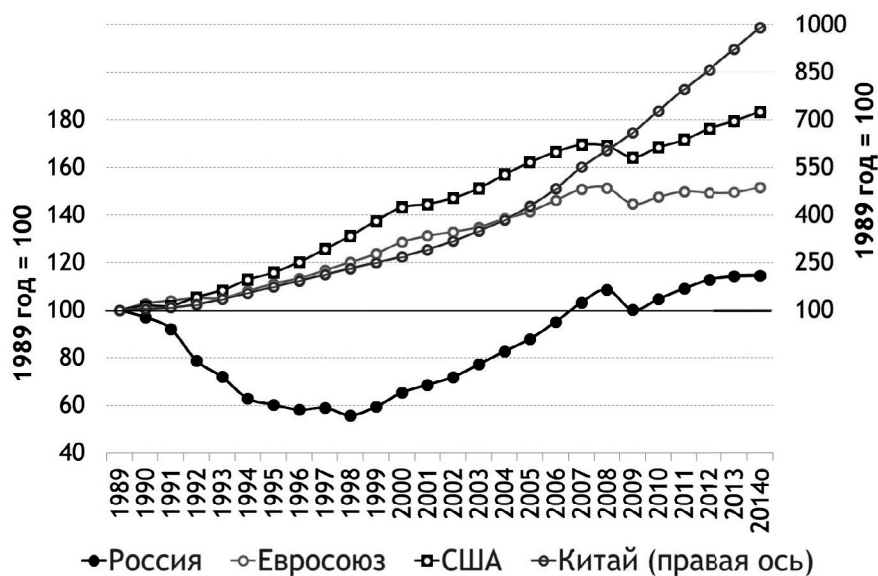
Источники: МВФ, Euromonitor.

Рисунок 3 Ввод жилья и потребительские расходы в России, 1989–2014

Источник: Euromonitor.

Рисунок 4 ВВП отдельных стран мира, 1989–2014 (1989 г. = 100)

Источники: Всемирный банк, МВФ.